

ББК 83.3 (2Рос=Калм)

**БАШКИРСКИЕ НАРОДНЫЕ ПРЕДАНИЯ ОБ ИСТОРИЧЕСКИХ
И ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЯХ КАЛМЫКОВ И БАШКИР***А. М. Сулейманов*

Статья посвящена башкирским народным преданиям и отдельным архивным источникам, которые свидетельствуют о тесных контактах башкир и калмыков.

Ключевые слова: *этнические контакты, взаимодействие, башкиры, калмыки.*

The article is devoted to the Bashkir national legends and some archival sources which show the close contacts of the Bashkirs and Kalmyks.

Keywords: *ethnic contacts, interaction, the Bashkirs, the Kalmyks.*

Взаимосвязи башкир с калмыками начинаются с XVII в., когда отдельные этнополитические объединения ойратов, давшие начало калмыцкому этносу, мигрировали по ряду причин в западном направлении. В истории их взаимоотношений отмечены разные аспекты: появление мигрантов на уже заселенных территориях не могло ни привести к определенному столкновению интересов, однако «были периоды и мира и даже совместных выступлений в различных политических актах» [1, с. 245]. Разнообразные этнокультурные контакты получили отражение в ряде источников, в том числе в народных преданиях башкир.

Как отмечает Р. Г. Кузеев, «в XVII–XIX вв. имело место смешение юго-восточных племен [башкир] с другими народами», в том числе и с калмыками. «Этноним *калмык* (в составе бурзян, усарган и тангауров зафиксирован 17 [раз]) закрепился за потомством некоторых калмыцких семей, поменявших веру (ламаизм на ислам) и оставшихся среди башкир» [1, с. 118]. На юге Башкортостана, где находились традиционные места проживания этнических групп, перечисленных Р. Г. Кузеевым, можно обнаружить предания, в которых упоминаются контакты башкир и калмыков. Так, «в наиболее старом... ауле Шокурово», где проживают представители группы башкир — Упей, было записано предание, в котором говорится о приходе «в самой глубокой древности» предков шокур-упийцев «из Сибири или Иртыша», которых «называют то калмыками, то кунгурами» [1, с. 118].

У зауральских башкир-катайцев этноним *калмык* встречается 10 раз. Среди башкир, называемых башкир-калмыками, можно услышать предание о том, что их родоначальником был некто Буранягарка, пришедший в Башкирию с Иртыша. Это подтверждается наличием у башкир-калмыков малых этнических групп типа ара, аймак Буран, Буранягарак [1, с. 118, 164, 218, 221, 245].

Наличие среди башкир этнических групп калмыков, а также предания можно связать с появлением в среде башкирского этноса представителей калмыцкого народа, которые дали начало целым родам. Так, происхождение малого рода калмыков, ныне живущих в Миякинском

районе Республики Башкортостан, связывается с одним из конфликтов между соседними народами: после отражения натиска некоторых племен местные башкиры-минцы обнаружили люльку, висящую на ветке дерева, а в ней малышку-калмычку. В предании заключается, что «род калмыков, живущий в этих краях, является ее потомками» [2, с. 129]. Согласно преданию «Мамыт-батыр», башкиры-калмыки, ныне живущие в Зилаирском районе Республики, произошли от калмыка Мамыт-батыра, который, будучи еще ребенком, был пленен башкирским богатырем Букат-батыром и усыновлен Уляй-батыром. Другие предания [2, №№ 180–182] также повествуют о генезисе малых башкирских этнических групп, носящих этноним *калмык*, которые якобы произошли от калмыка, плененного еще ребенком (предание «Деревня Убалар»), или от ребенка-найденыша («Кашкар»), или даже якобы от купленного у калмыков-кочевников малыша («Деревня Расуль»).

Сведения, дошедшие до нас в преданиях, подтверждаются письменными источниками. Так, по свидетельству депутата Уложенной комиссии 1767–1768 гг. от башкир Исетской провинции Мякотинской волости, ставшего позже фельдмаршалом Е. И. Пугачева, — Базаргула Юнаева, «между нашего тарханского и башкирского народов именуются сартами и *калмыками* некоторая часть, но все единого магометанского закона, которое их название произошло в древние времена, сарты, вышедшие из-за границы. Самопроизвольно от владении степных народов, а *калмыки также в древние времена получены были нашими башкирами при войнах в малолетстве* [курсив мой — А. С.], которые из древних лет именуются с нами единым званием башкирами с отличеством, что одни произошли от сарт, а другие — от калмык, почему как землями и всеми угодиями общее владение имеем и почитаемся все башкирцами, равно же в государственных службах обще и наряду обращаемся без всякого отличительства от башкирцев» [цит. по: 3, с. 120].

На землях, где проживали башкиры, предки калмыков (ойраты) появились в начале XVII в.

Так, «в верховьях Тобола калмыки впервые показались в 1606 г.». В последующие годы не раз происходили стычки между башкирскими и калмыцкими кочевниками [1, с. 245–246], что вполне понятно в свете территориального вопроса. Как считают башкирские историки, царские власти в ряде случаев содействовали калмыцким князьям в захвате земель башкир [4, с. 208]. Видимо, этот период нашел свое отражение в предании «Такагашка», записанном в 1961 г. в дер. Старо-Муйнково Учалинского района. Предание начинается сразу же с завязки действия: «Однажды калмыки отправили своего посланника к предводителю башкирского рода Утягулу, который передал их требования, так и так, мол, отдайте нам свои земли. Если откажетесь, то пойдем на вас войной». Далее повествуется о том, как Утягул отказался выдать свои земли и объявил условие: в трех километрах от деревни Старо-Муйнаково у подножья горы поставить с обеих сторон по одному силачу; земля будет принадлежать той стороне, чей богатырь победит в единоборстве. Калмыки согласились на это условие. Хотя стороны были настроены враждебно по отношению к друг другу, они строго придерживались правил обычного права. Когда молодой силач со стороны башкир Такагашка одолел богатыря калмыков, последние оставили в покое башкир. Через некоторое время в подобной ситуации вновь победил силач-башкир. И на этот раз калмыки ушли, соблюдая правила, хотя во многом превосходили по численности вооруженных людей местных башкир.

Сказитель-риваятсы осуждает междоусобицы¹ башкирских племен и призывает к объединению и дружбе, объявляя:

С признанием власти Белого царя

Улеглись былые страсти среди родов [5, с. 491].

В свете башкирско-калмыцких контактов начала XVIII в. вызывает интерес документ из Государственного архива Республики Татарстан, который был передан из Османского архива [г. Стамбул, Турция] и опубликован в переводе на татарский язык в журнале «Эхо веков» [6]. Этот документ охватывает исторические события, происходившие в начале XVIII в. на территории Башкортостана, в Поволжье и Москве; в нем условно можно выделить три части. Повествование ведется от имени очевидца событий — Пахлевана Кулуйбая, посла калмыцкого хана Аюки, направленного в Турцию в 1722 г. по хиджре (1710 г. по миляди). И хотя понятно, что высказанное Пахлеваном Кубуйбаем связано с определенными интересами и задачами, поставленными перед посланником в Турцию,

приведем кратко основные моменты, связанные с освещением им башкирско-калмыцких связей. В начале своего рассказа, которое условно можно выделить как первую часть, калмыцкий посол сообщает о том, как «один султан из иштыянского народа², взяв с собой немного людей, тайно напал на Турк (?), известный город Московского государства, и окружил его». Далее Пехлеван Кулуйбай повествует о том, что иштыяки-башкиры по своей беспечности и из-за отсутствия знаний и опыта тактики осады сами попали в капкан защитников города и были казнены. Кроме того, во вводной части рассказа калмыцкий посол в сжатой форме сообщает о том, что «иштыяки, целиком являющийся мусульманским народом, в прошлые времена пережили много злодейств со стороны Московского трона». Вероятно, речь идет о восстаниях башкир с участием калмыков 1662–1664 и 1681–1684 гг. По мнению историков, из-за роста «фискального гнета, а также произвола и насилия ... царской администрации на местах ... в знак протеста ... группа башкир, состоящая из 30 семей, ушла к калмыкам» [7, с. 93]; «восстание 1662–1664 гг. было первым массовым антифеодальным выступлением башкирского народа. Оно охватило обширную территорию от среднего течения р. Исеть до р. Камы, от верховьев р. Яика до бассейна рек Ирбет и Чусовой. В отдельные периоды восставших поддерживали трудовые массы татар, мари, манси. Некоторое участие в восстании приняли калмыки и сибирские царевицы, если последние использовались только для объединения повстанцев, то калмыки помогали башкирам в проведении ряда боевых операций» [4, с. 212]. Однако силы были неравны, и оба восстания были жестоко подавлены. В поражении второго восстания заметную роль сыграла политика царского правительства по отношению к двум народам, основной целью которой было разрушить «союз башкир с калмыками и поодиночке справиться с ними» и «подарками и обещаниями» в начале 1683 г. добилось от калмыков во главе с Аюкой «полного отказа от дальнейшей поддержки восстания башкир» [4, с. 214].

Противоречащие этой информации сведения содержатся в сообщении посла о походах башкир на Москву, которые условно можно назвать второй частью рассказа Пахлевана Кулуйбая. Причем изложенная послом информация вызывает некоторые сомнения: вероятно, рассказчиком допущен анахронизм, либо он рассказал о событиях, происходивших после восстания башкир 1681–1684 гг., которые не известны отечественной историографии. Во всяком случае калмыцкий

¹ «Нападения казахов и калмыков прекратились лишь тогда, когда наши предки приняли подданство Белого царя» [2, с. 181].

² Соседние народы зачастую называли башкир иштыяками, иногда — ногайцами.

посол сообщил о том, как иштяки-башкиры, «объединившись с каракалпаками и киргиз-кайсаками, придя с ними к единому мнению, назначив султана из каракалпаков и совместно с нашим ханом, Аюка-ханом, договорились совершать в течение пятнадцати лет с набеги на Московское государство». Подобные сведения пока не подтверждены другими источниками. Кроме того, известно, что царские власти при каждом удобном случае вносили разлад между союзниками. Склонение Аюки в 1683 г. на сторону правительственных сил было не единственным случаем. Так, «в XVII–XVIII вв. близко от границ Башкирии кочевали калмыки (ойроты)», устраивались «взаимные набеги башкир и калмыков» [1, с. 164]. Это было выгодно властям, которые всячески старались следовать политике «разделяй и властвуй». Усилению взаимной неприязни двух народов служило «содействие царского правительства калмыцким феодалам в захвате земель в юго-западной Башкирии» [4, с. 208], что отражено в рассказе Пахлевана Кулуйбая.

Перед опасностью усиления союза трех мусульманских народов и калмыков царская власть, по словам Кулуйбая, дважды посылала к хану Аюке послов. Первый посол обращался с просьбой помочь калмыцкими войсками, но получил отказ. Второй посол якобы сообщил, что башкиры каким-то образом совершали набеги даже на Москву. Передавая информацию об этом, Пахлеван Кулуйбай пересказывает слова посланника к Аюке: «Ладно, отказался дать войска, тогда запрети иштякскому народу делать набеги на Московское государство!». На это предложение хан Аюка ответил отказом.

Как подтверждение слов хана Аюки воспринимается третья часть устного рассказа калмыцкого посла. Речь идет о событии, связанном с наступлением сорокатысячной армии царского правительства на башкир зимой 1709 г. В рассказе утверждается, что на помощь иштякам-башкирам пришел со своими войсками калмыцкий хан Аюка. По этой причине правительственные войска не смогли развернуться и начать широкомасштабные операции против иштяков-башкир, наоборот, даже были вынуждены поспешно отступить. Принимали ли калмыки участие в последовавшем далее контрнаступлении, сведений в рассказе нет, упоминается лишь, что «иштяки, встретив упомянутые русские войска и заставили их отступить на сторону Волги».

Контакты иштяков-башкир с калмыками ни могли не оставить след в культуре обоих народов, в том числе в фольклорном наследии³.

Приведенные примеры преданий, а также данные из архивных документов свидетельствуют о том, что башкиры начали тесно общаться с калмыками уже в начале XVII в. В XVIII в., когда связи были очень тесными, у башкир появилась песня о хане Аюке. Представляется, что ее сложение происходило в русле башкирской традиции, согласно которой в честь авторитетных личностей, завоевавших особое уважение, слагали песню или создавали инструментальное произведение. Так, известны песни «Хан-Буягым» (посвященные истории восхождения Акхак-Тимура на престол), о Салавате Юлаеве (верном соратнике народного царя Бугас-батыра — Е. Пугачева), Е. Пугачеве; Кутдус-батыре-Кутузове, Кахым-Туре, героях Отечественной войны 1812 г. и т. д. Сложение песни об Аюке — дань уважения калмыцкому хану, который известен в истории России как сильный правитель и активный политик, имевший тесные контакты с российским императором.

В связи с темой этнокультурных контактов башкир и калмыков необходимо также вспомнить предание, представляющее несколько вариантов мотива «Гибель крылатого коня-тулпара». Согласно народному обычаю башкир, до полной уплаты калыма мужчина не мог увозить невесту в свой дом, также не имел права показываться ее родителям. Поэтому он мог посещать ее лишь после захода солнца, когда спали ее родители. С этим обычаем связан мотив тайных свиданий жениха и невесты перед отъездом на длительное время. К примеру, в одной из версий предания «Камень жениха», записанной в 60-х гг. XX в., молодой мужчина, прощаясь со своей невестой после первого посещения, говорит ей: «Зимой не смогу приехать. Приеду весной вместе с дикими черными гусями. О моем приезде никому не говори!» [2, с. 358]. Таким образом, он действует в рамках обычая и также предупреждает девушку о том, чтобы другие люди не увидели крыльев его крылатого коня-тулпара. Из этой версии предания мы узнаем, хотя и в общих чертах, к какому роду относился жених и где проживала его невеста, и подобная конкретизация в предании оправдана, поскольку указывает на значительное расстояние, которое отделяло места проживания молодых. Следовательно, каждый его приезд был праздником для суженых, а потому родственники и односельчане девушки не могли не обратить внимание на его появление. Настойчивый интерес, проявляемый к коню, на котором прибывает жених, но которого он никому не показывает, оставляя его в горах, порождает неоднократные просьбы к молодой девушке узнать у жениха причину такого поведения. Эта просьба повторяется несколько

³ Взаимоотношения между двумя народами созвучны замечательной башкирской пословице *Ат аунаган ер — а төк ала*. «Там, где валяется лошадь, остается шерсть».

раз, девушка сначала отказывает в их просьбе по причине своей робости. Сказители-риваятсы обращают внимание слушателей на усиление любопытства жен братьев девушки, связанного с их желанием увидеть таинственного коня жениха, а также их настойчивое подстрекательство. Такой прием указывает на увеличение напряженности ситуации, которая, в конечном счете, направлена на испытание выдержки жениха. Все это заинтриговывает слушателей, перед взорами которых начинает вырисовываться таинственный образ невидимого коня. Тем временем, не выдержав накала страстей, жених отступает и вынужденно показывает своего коня, спрятанного от посторонних глаз в специальном шатре. Тем самым нарушается запрет на показ крыльев тулпара.

Внутренняя закономерность фольклорных сюжетов, в частности сказок, легенд, эпосов, заключается в том, что после нарушения запрета обязательно следует наказание. Разбираемый сюжет не является исключением: тулпар погибает. Однако в отличие от ряда традиционных легендарных, мифологических и других фольклорных сюжетов в этом случае наблюдается двойное наказание: жених остается без любимого коня, а молодая женщина — без мужа, так как он расторгает договоренность о браке, лишившись любимого коня.

Сравним данную версию этого сюжета с другой, записанной под названием «Косогор Турат» в 1967 г. в Хайбуллинском районе Башкортостана [2, № 51], главным героем которой является жених родом из калмыков. Здесь произошла не простая замена данных об этнической принадлежности жениха, хотя мотив, связанный с прятанием тулпара, сходен с аналогичным мотивом из первой версии сюжета. Предание отличается особым «этнографическим» обрамлением в виде нетрадиционных для башкир обрядов и обычаев; кроме того, включение в сюжет дополнительных мотивов, отсутствующих и в других версиях, придают ему оригинальность.

Время (или сроки) посещения женихом девушки (о котором повествуется в завязке сюжета) определяется весенним прилетом диких черных гусей. Сын калмыцкого бая договорился о браке с девушкой-башкиркой и, уезжая домой, говорит: «Жди меня тогда, когда прилетят черные гуси». Иначе говоря, обещает приехать в следующий раз только весной. Развязка сюжета соответствует отъезду жениха домой и определению им срока своего отсутствия или времени следующего посещения своей невесты другим приемом. Перед прощанием он отрезал целиком ее косу и сказал:

«Я приеду тогда, когда твои косы достигнут прежней длины. До этого не жди меня!» Таким образом, он определяет еще более длительное время своего отсутствия.

В обоих случаях жених не стал объяснять, почему раньше не сможет посетить невесту. Видимо, время прилета птиц и выращивания кос до прежней длины являются не только мерилom срока отсутствия жениха, но и имеют пространственное значение: ими, вероятно, определяется отдаленность места жительства жениха, а также мера испытания на терпеливость и брачную верность невесты. Однако если формула «когда прилетят черные гуси» еще сопоставима с расстояниями, отделявшими порой и башкирские поселения (она присутствовала и в первой версии сюжета), то мотив отрезания кос⁴, вероятно, связан с обычаями, которых придерживается жених.

Основной сюжет состоит, в отличие от первой версии, из трех тематических мотивов: «Гибель крылатого коня-тулпара» + «Выбор героем коня» + «Прошедшее никто не сможет догнать». Таким образом, данная версия известного нам сюжета по сравнению с первой версией выходит за рамки границ жанра предания. Первый мотив, благодаря образу мифического крылатого коня-тулпара, в целом напоминает мифологическую легенду. Второй больше характерен для богатырских сказок и героических эпосов. Третий является притчей и напоминает башкирскую народную сказку «Старик-предсказатель» [8, № 111], в частности ту ее часть, где речь идет о неуловимом предмете⁵, о котором говорилось в загадке, решенной стариком-предсказателем. Этот мотив частично напоминает международный тип сюжета АТ 471. Однако в предании речь идет о всаднике на черном коне, который проезжает мимо жениха и его будущего тестя. Старик спрашивает: «Догони-ка его и узнай, почему он не заехал к нам?». Зять его долго гнался за странным всадником, но не смог догнать его. И тесть ему объясняет: «Не только ты, но и твои предки не смогли догнать его. Это же невозвратное прошлое». В этой притче отражены отзвуки, видимо, обряда добрачного испытания жениха, характерного для древности.

Несмотря на такие различия в двух версиях одного сюжета, они едины в главном: после гибели крылатого коня в обоих случаях жених возвращается домой, а невеста остается одна. Такой исход вполне соответствует реалиям, которые были характерны для раннего этапа контактов башкир и калмыков, когда места кочевий калмыков постоянно менялись. В предании говорится о том, что калмыки кочевали летом в местности, получившей позже название Косогор Турат, а с годами ушли кочевать в дру-

⁴ В калмыцкой традиции отрезание кос женихом не зафиксировано, но существует символическая взаимосвязь между косами замужней женщины и жизненной силой молодых супругов.

⁵ Неуловимый предмет в данной сказке — это невозвратное прошлое.

гие места. У тюрко-монгольских народов брачный союз представителей двух этнических сообществ считался знаковым явлением: он означал породнение двух народов. Этот факт отражает этнокультурные взаимосвязи двух народов. Присутствие данного мотива в сюжете, который и в башкирских преданиях завершается отъездом героя, соответствует историческим реалиям и откочевке калмыков в Прикаспийские степи.

Таким образом, башкирские предания и исторические источники свидетельствуют о тесных этнокультурных контактах двух народов — башкир и калмыков, о взаимопроникновении тех или иных мотивов и сюжетов фольклорных произведений и, шире, о взаимовлиянии традиций и обычаев.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа: Этнический состав, история расселения. М.: Наука, 1974. 571 с.
2. Башкирское народное творчество / сост., ав-

тор предисл., коммент., словаря и указателя мотивов Ф. А. Надршина; отв. ред. Кирей Мэргэн, А. М. Сулейманов. Уфа: Китап, 1997. Т. 2: Предания и легенды (На башкирск. яз.). 572 с.

3. Асфандиаров А. З. История сел и деревень Башкортостана. Уфа: Китап, 2001. Кн. 9. 208 с.

4. История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX в. / отв. ред. Х. Ф. Усманов. Уфа: Китап, 1996. 520 с.

5. Башкирское народное творчество: в 8 тт. / сост., предисл., глоссарий М. М. Сагитова; коммент. М. М. Сагитова, Н. Т. Зарипова, А. М. Сулейманова; отв. ред. Н. Т. Зарипов. Уфа: Китап, 1987. Т. 1: Эпос. 539 с.

6. Исламов Р. Ыюкһ ханныһ Баш вһзиргһ хаты // URL: http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymus/main/?path=mg:/numbers/2002_3_4/02/02_3/ (дата обращения: 02.05.2010).

7. Акманов И. Г. Башкирские восстания XVII–XVIII веков. Уфа: Китап, 1993. 223 с.

8. Башкирское народное творчество / сост., предисл., А. М. Сулейманова; коммент. Л. Г. Барага, А. М. Сулейманова; отв. ред. Н. Т. Зарипов. Уфа: Китап, 1983. Кн. 5: Сказки (На башкирск. яз.). 493 с.

ББК 83.3

SINJIYANG-UN OYIRAD MONGYOLČUD-UN «SEČEN EMEGTEI-YIN ŪLIGER»-UN KEB SIJI-YIN QUBIYARILAL (ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ОЙРАТСКОГО СКАЗОЧНОГО МОТИВА О МУДРОЙ ДЕВУШКЕ)

Сарантуя

В статье рассматриваются типологические трансформации сказочного мотива о мудрой девушке (невестке или дочери), получившего достаточно широкое распространение в сказочном фольклоре ойратов. При сопоставлении различных сказок автор использует как уже известные материалы, так и собственные полевые записи. В ходе анализа было выявлено, что одним из существенных элементов подобного сюжета является мотив «трудная задача», связанный с рядом других, которые вместе формируют композиционные особенности той или иной вариации сказки, а также художественный образ героини.

Ключевые слова: *сказка, мотив, мудрая девушка, синьцзянские ойраты.*

The article deals with the typological transformations of fairytale motif about a wise girl (a daughter-in-law or a daughter), received the wide circulation in Oirats' fairytale folklore. By comparison of various fairytales the author uses already known materials and her own field records. In the course of the analysis it has been revealed that one of essential elements of such plot is the motif of a difficult problem, connected with a number of other motifs which form compositional peculiarities of different variations of fairytale and heroine's art character.

Keywords: *fairytale, motif, a wise girl, Oirat-Mongols of Xinjiang.*